

Холод. Сковывающий все внутри, пронизывающий насквозь холод. Что случилось, где я? Вокруг темно и, кроме деревьев, растущих довольно редко, и темного неба, ничего нет. Нет, стоп, какие-то силуэты виднеются все же, только далековато.

— Саша! Алена!

Не понял?!

— Мама! Папа!

Не понял вдвойне... Голоса вроде привычные, но какие-то странные.

— Катя? Аленка? — неуверенно отвечаю и не узнаю свой голос. Он дрожит, наверное, от холода.

— Сашка, где ты?! — вновь слышу тот голос, к которому давно привык, ибо это голос моей любимой жены! Только какой-то немного не такой — тоже замерзла?

— Я здесь, — кричу в ответ тут же, но спустя секунду добавляю: — Где-то здесь.

Понятия не имею, что еще сказать, я и правда не понимаю, где я... где мы.

Пытаюсь встать на ноги, снег хрустит и больно колет босые ноги. Наконец выпрямляюсь и осматриваю себя. Мама дорогая, да я ж в одних трусах! Выпрямившись во весь рост, наконец-то замечаю фигуру в нескольких метрах от себя. Нет сомнений, это Катя, только... Да она же в пижаме! Так, быстро вперед, значит, второй голос был и вправду Аленкин.

Подбегаю к жене, она тоже стоит по колено в снегу и оглядывается по сторонам. Охреневаю от увиденного, но оставляю разговор на потом. Дочь. Где же дочь?

— Аленка, где ты, солнышко мое?! — кричу я и едва не спотыкаюсь о ребенка. Господи боже, да как это?

Дочь стоит на снегу одетая, как и ее мама, в пижаму и плачет. Подхватываю на руки, удивляться уже нет сил, просто прижимаю к груди ребенка, а спустя мгновение к нам обоим жметесь и наша мама. Мы вместе с дочкой часто звали жену именно мамой.

— Сашка, что это? Где мы? Почему мы голые на улице? — из супруги начинает выливаться водопад вопросов, а ответов у меня нет.

Мы легли спать как обычно, около одиннадцати часов вечера, дома, в нашей маленькой, но уютной квартирке. Что случилось ночью, почему мы вдруг на улице в том виде, в котором спим? Я так и вовсе в одних трусах. Боже, как же холодно-то! Так, это не взрыв газа или что-то подобное, ибо ни развалин, ни пожара вокруг нет. А что есть? Осматриваю округу, решаю выйти из-под деревьев, благо растут они тут редко.

— Давайте туда, — киваю в сторону и, не давая супруге задать новый вопрос, подталкиваю ее вперед. Дочь на плече не кричит, лишь трясется и тихо плачет.

Как и думал, идти оказалось всего несколько метров. Деревья расступились, и перед нами предстала картина... Деревня. Точнее, это стоящие вразнобой деревянные дома. Низкие, темные, заборы если и были когда-то, то давно повалены.

— Быстро, в доме, даже если он нежилой, будет теплее, — командую я, хотя и понимаю, что дома-то замороженные стоят. Черт возьми всю эту хрень, да где же мы?

В первом же доме подтверждаю свою догадку, промерзло все насквозь. Печь разрушена, при всем желании не растопить, руины просто.

— Постойте тут минутку, один я быстрее все осмотрю, — передавая дочь жене, я бегу на мороз. В голове крутится совсем не ко времени посетившая мысль: «Почему Катя такая молодая, а Аленка и вообще маленькая?»

Оббегаю дома друг за другом и у одного резко торможу. Не может быть, в окне, маленьком, с затянутыми льдом стеклами, виднеется тусклый свет. Перемахиваю через плетень, когда-то стоявший вокруг участка, а сейчас сохранившийся лишь частично, оказываюсь возле двери крыльца. Крылечко маленькое, как приступок, не больше, попробовал дернуть за ручку, заперто. Стучу. Несильно, мало ли кто там, вдруг рассержу хозяев. С минуту ничего не происходит, я повторил стук несколько раз и собирался идти к окну, как что-то скрипнуло и послышался возглас:

— Кто тут? — Тихий, как будто человек боится или по крайней мере осторожничает, голос привел меня в состояние готовности. Голос женский, сомнений нет, но вот пустят ли?

— Откройте, пожалуйста, нас с женой и ребенком ограбили и бросили на морозе почти голыми. Разрешите обогреться, ради бога! — буквально умоляющим голосом произношу я быстро придуманную историю. Подробности придумаю чуть позже, нужно понять

для начала, где мы вообще. зуб на зуб не попадает, трясет так, что словами не передать.

Дверь, задевая, явно просела, тяжело идет наружу, и перед моими глазами возникает лицо женщины. Нет, пожалуй, это скорее бабушка. Она подсвечивает себе *свечкой* и испуганно смотрит на меня.

— Здравствуйте, простите ради бога, пустите, пожалуйста, погреться!

— Ты кто? — бабушка все же решает спросить первое, что приходит в голову в таких случаях.

— Саша. Там, в соседнем доме, который пустой, мои жена и дочь, мы не опасны.

— Да вижу, что не опасны, синий уже весь! Зови скорее своих девчонок, замерзнут ведь!

Я буквально пулей долетел до домика, в котором оставил девчат. Подхватив на руки Аленку, беру за руку Катю и так же бегом направляюсь к гостеприимной бабушке. Даже в мыслях не мелькнуло осмотреться, все мысли только о семье и диком холоде.

Старушка стояла на крыльце, встречая нас, и в буквальном смысле затолкала внутрь дома. Избушка оказалась очень маленькой, и это я почувствовал на собственной голове, когда ударился о притолоку. Зашипев от боли, голова буквально зазвенела, я пригнулся и вошел последним. Старушка мгновенно развила какую-то невероятную скорость в уходе за моими девочками. В печь полетели дрова, девочек укрыли одеялами, а ноги оказались в тазах с теплой водой. Сам я просто прижался спиной к печи и уселся на лавку, что стояла тут же. Спасены. Остальное уже неважно.

«А если бы до деревни был хотя бы километр по снегу?» — пронеслась мысль. Смог бы я успеть? Не факт.

По телу разливалось тепло. Бабуля достала из шкафчика бутылку водки, да-да, именно водки и приказала нам с Катериной растереться. Слушались бабушку беспрекословно, натерли дочь, а затем и друг друга.

— Рассказывай, парень, кто вы и откуда будете?

Спустя пару часов девочки уже спали в одной постели, укрытые толстым одеялом, а я сидел со старушкой за столом и пил чай. Было хорошо. Холод отступил, тепло разливалось по всему телу, тут или водка помогла, или печка, или все вместе. Хотелось спать, но я понимал, что нужно как-то объяснить, иначе невежливо получается.

— Зовут меня Александром, жену Катериной, Аленка наша дочь, Андреевы мы.

— Меня Лидией Николаевной звать, Фролова по мужу.

Уже здесь, в теплом доме старушка выглядела несколько по-другому. На улице, в темноте мне она показалась старой, думал, ей лет девяносто, но на самом деле я ошибся. Старушке на вид лет шестьдесят пять, может, семьдесят, не больше. Морщин, старящих кого угодно, на лице много, но не таких и глубоких, какие бывают у совсем старых людей. Да и тут, при свете, блин, керосиновой лампы, блеск в ее глазах заставил меня пересмотреть свою оценку. Крепкая такая бабушка, но не старуха. Ростом мне до груди, а во мне всего-то метр восемьдесят, не полная, скорее... да, именно, крепкая такая бабушка. Говорит ровно, не шепелявит, да и речь правильная. Я-то уж было подумал, что нас в какую-то тьмутаракань забросило. Кстати, об этом я тоже еще не думал, некогда было.

— Где мы, скажите на милость, Лидия Николаевна? — обязательно нужно узнать хоть примерно, чтобы самому легенду привязать к местности.

— Деревня Мягкое. Точнее, сынок, то, что осталось от деревни. Раз в другие дома ходил, видел значит, что нет больше никого. Одна я тут. Расселяют понемногу, а я не хочу уезжать. Родилась я тут, тут и помереть хочу. Сын вон, приходит раз в месяц, работает на заводе, некогда ему. Все уговаривает уехать, мне и квартиру обещали отдельную дать, а я все не соберусь никак. Но, наверное, все же выселят скоро. Ванька говорил, в будущем году будут сносить деревню.

— Лидия Николаевна, а на каком заводе сын работает? — Блин, мысль у меня уже появилась, но она настолько нереальная и пугающая, что хочется ее отогнать.

— А, так «почтовый двадцать», в городе.

Мне как будто по башке обухом дали. Какой на хрен «почтовый двадцать»? Наш «двадцатый», что ли? «Сатурн»? Как он только ни назывался, но в народе именно «почтовым двадцать» его звали... давно это было. Наверное, задолго до моего рождения. Это название из Союза еще, тогда наш город, как и многие другие, где существовали оборонные предприятия, был закрытым, а завод был номерным почтовым ящиком. На нем движки к самолетам делали, да и делают до сих пор, только название сменили.

— В Рыбинске? — робко уточняю.

— А где ж еще, сынок? Конечно, в Рыбинске. Так и мы с тобой сейчас в городе, я по старой памяти деревню тебе назвала, а так город это, город. Все дальше и дальше расплзается, в тридцатых к нам

пришли, начали людей расселять, когда тут строительный комбинат построили. Вы что же, не знаете, где вы?

И вот как ей сказать?

— Ой, Лидия Николаевна, скажу — не поверите, — начал я.

— Да чего уж, рассказывай, — махнула рукой бабуля, а выражение лица при этом было такое, словно бы говорила: «Давай, мальчишка, попробуй удивить старую женщину!»

— Мы под Угличем живем, точнее, жили. Знаете, где это?

— Конечно, не бывала никогда, но слышала, — уверенно так кивнула бабулька, — он ведь ближе к Москве?

— Да, километров семьдесят отсюда, по прямой. У нас дом сгорел, мы жили в охотхозяйстве, одни, родители умерли недавно, вот и жили одни. Аленка родилась уже там.

— Сколько же девчущке вашей? — перебила меня Лидия Николаевна.

— Пять, — ответил я наугад. А что, Аленка теперь на пять и выглядит, а Катя на двадцать. Если я так же помолодел, то и мне столько же. Выходит, мы как-то разом, всей семьей помолодели ровно вдвое. Еще бы узнать, как? Значит, если что, то нам по двадцать три, а то поймут неправильно. — Поехали в Рыбинск, у нас тут родственники живут, не в городе, в деревне за Волгой.

— Далеко?

— Не очень, мы не были там, знаем только на словах, да по карте я смотрел не раз, километров двадцать, что ли.

— Понятно. Значит, к родне подались? Правильно. Чего одним в лесу-то жить, молодые еще, да и девочке скоро в школу.

— В том числе и поэтому сюда направились.

— Но как вы тут оказались, на окраине, да еще и в деревне?

— Да по дурости моей, Лидия Николаевна. Трясло в автобусе, умучились все за дорогу, а тут водитель и объявил, что, если кто не хочет ехать до вокзала, может сойти и на окраине. Автобусы, дескать, ходят, уедете куда надо. Я и предложил Кате погулять, город посмотреть. Посмотрели...

— Вас здесь, в деревне ограбили? Тут же нет никого, — бабуля очень удивилась.

— Да не понял я даже, как и забрели к Волге. Реку только увидели, шли себе и шли, а тут компания. Испугался за девчонок и не стал лезть в драку. Отдали все, что было, деньги, документы, даже одежду. Бандиты, видимо, хотели, чтобы мы замерзли. И ведь почти угадали. Промерзли мы так, что до сих пор мне кажется, что лицо щиплет.

Для наглядности я растирал лицо ладонями, показывая, как мне холодно. Пургу я гоню, а что делать-то? Я подозреваю уже, что именно случилось, но боюсь озвучивать этот факт даже самому себе. По словам бабушки, мы в Мягкой, это деревня такая была когда-то, в километре от нашего дома. Как и почему мы там очутились, да еще в таком виде, не понимаю. Хотя, стоп, с внешним видом-то все как раз более или менее понятно, мы ж спали уже, значит, все произошло во сне. Что именно? Хм... Ладно уж, произнесу. Мы, похоже, в прошлом, но это не точно, просто подозрения. Расселение, завод с «номером», деревня знакомая.

— Что ж вам делать-то теперь. — Казалось, бабушка напрягла все свои извилины, а спустя минуту выдала ответ на свой же вопрос: — Так, жене твоей я что-нибудь подберу, если не побрезгует, отдам все от дочери. Она замуж вышла четыре года назад, да в столицу уехала. На тебя от сына подберем, мало чего осталось, что-то он выкинул, что-то забрал, но кое-как, думаю, оденем. С малюткой вашей сложнее, но ничего, выкрутимся. Пенсию я получаю, тратить особо некуда, откладываю на похороны...

— Лидия Николаевна, я не смогу...

— Так, перестань болтать ерунду. Вам нужнее, сможешь потом отдать — хорошо, нет — ничего страшного не случится.

— До копейки, — твердо сказал я, — все верну. А вообще, завтра же пойду, найду, где подработать.

— На завод так просто, да еще без документов не возьмут, но ты вроде сильный парень, молодой, здоровый, тут недалеко магазин есть, продовольственный, «Дружба» называется. Если не чураться тяжелой работы, сможешь грузчиком к ним устроиться. Я, бывает, хожу иногда, так там всегда мужики пьяные, а ты вон какой бравый парень, — польстила, ведь совсем и не знает меня, а выводы делает приятные. — Сам-то как с винишком?

— Да вообще не пью, у нас в семье как-то не принято было. В лесу живешь, хозяйство, дом, некогда о дури думать.

— Вообще хорошо. Вот и сходи, попробуй раззнать. Если возьмут, заработаешь денежку дочке на одежду, тогда и поедете к родственникам.

— Уж если возьмут, надо на всех заработать, стыдно у вас, пенсионерки, брать, — я реально стыдился этого.

— Ладно, иди спать, Саша, утром разбужу, сможешь до магазина сходить, если не передумаешь.

— Конечно не передумаю, нам это очень надо. Спасибо вам, Лидия Николаевна, не дали умереть, так еще и помогаете жить.

— Да бог с тобой, парень, что я, нелюдь, что ли? — Бабушка ушла в другую комнату, отделенную от кухни занавеской, а я направился на свое место. Уже встав из-за стола и сделав пару шагов, вдруг бросил взгляд на подоконник. Там лежало то, от чего все во мне заклокотало. Газета «Труд». Так и вспомнил, как отец в моем детстве ее выписывал. Буквально подскочив к окну и взяв в руки газету, уставился на титульный лист, читая лишь одну строку, которая была мне сейчас интересна. Дата.

Спать меня уложили на полу возле печки, постелив тюфячок и дав одеяло. Но у печки и так было тепло, да и не спалось мне. Если признаться, то я просто кипел от... радости, осознавая какая впереди жизнь, если все правда, и мы в прошлом. Дата на газете была указана невероятная, 5 декабря тысяча девятьсот... мама дорогая, аж шестьдесят девятого года. Как это, почему? Кто смог запихнуть нас всей семьей на пятьдесят лет назад? А главное, зачем? Изменить что-то глобально? Не верю, что такое возможно. Так для чего? Ладно бы меня одного, это как раз было бы понятно, я всегда мечтал об этом, ну не нравилась мне жизнь в двадцать первом веке, каждый день осознаешь, что должен был жить в другое время. Меня бесила разобщенность людей, вражда всех со всеми, стремление людей только к одному, хапужничеству. Шмотки, гаджеты, машины и прочее,

все это для меня было лишним. Да, красивая и качественная одежда — это хорошо, но надо ли человеку иметь десять штанов? Покупать вещи просто потому, что хочется потратить деньги. Ведь человеку не нужно много для жизни, а все равно гонимся за покупками. Нам привили это потребилово, и мы все, как бараны, пашем и пашем, чтобы заработать лишнюю копейку и тут же спустить ее на шмотки, пиво и всякую другую хрень. Да, я осознаю, что там, где мы сейчас, нам будет очень трудно, но это будет честно. Нам не будет хватать интернета, телефонов, красивых вещей, но у нас будет хорошая пища, натуральная по крайней мере. Здесь чище воздух, проще люди, там, в прошлой жизни, я к сорока годам становился упоротым социофобом. Я прекрасно находил общий язык с людьми, но, быстро узнавая их сущность, терял всякий интерес, они мне просто надоедали и, более того, раздражали. Для нас с женой самой большой радостью всегда было... Были прогулки по лесу, по берегу реки, рыбалка с берега и лодки. Нам нравилось дышать природой и чистым воздухом, которого в городе, увы, оставалось немного. И вот мы здесь. Как отреагирует Катя, не представляю, все же женщинам нужно чуть больше для счастья, чем мужику, а уж ребенку... Поэтому и удивляюсь, почему закинули всей семьей, для того чтобы мне жизнь маминой не казалась? Или просто пожалели семью, не оставили их там без отца? А вообще, как бы ни было трудно, но мы справимся, я верю в это, и все будет хорошо.

Утром я встал сам, невольно вызвав уважение у Лидии Николаевны своим отношением к собствен-